ИСТОРИЯ

УДК 930.1

Ж.А. Гумерова

ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ МЫСЛИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г.П. ФЕДОТОВА)

Проанализированы особенности изучения интеллигенции в творчестве Г.П. Федотова. Показываются точки соприкосновения и расхождения в понимании черт интеллигенции с современниками. Выявляется, что исследование специфики интеллигентского сознания подчиняется фундаментальному в наследии мыслителя вопросу, связанному с изучением русского национального сознания. Отдельное внимание уделяется пониманию Г.П. Федотовым того, какую роль в жизни общества должна играть интеллигенция и какие функции выполнять.

Ключевые слова: Г.П. Федотов; интеллигенция; эмиграция; русское национальное сознание; религиозность.

В последние два десятилетия, как и в начале XX в., наблюдается особый интерес к проблеме русской интеллигенции. Столетие назад ее изучение было связано с той ролью, которую она сыграла в революции. Сегодня снова делаются попытки определить ее значение в жизни общества. Довольно часто интерес к какому-либо явлению отмечается на фоне кризиса, им переживаемого. Г.С. Кнабе, выявляя сущностные черты интеллигенции, делает вывод о несовместимости той русской интеллигенции, которую мы знали на протяжении полутора столетий, с цивилизацией постмодерна – она «представляет собой перевернутую страницу истории» [1. С. 50]. Все чаще поднимаются вопросы об исчерпанности ее социальной роли и об окончании ее существования как исторического явления [2]. Осмысление места и роли интеллигенции не обходится без выявления ее черт в историческом контексте. В связи с этим актуальным становится обращение к феномену интеллигенции в русской общественной мысли, представляющей зачастую не только раскрытие ее характеристики, но и акт самопознания. В рамках данной статьи будут проанализированы особенности изучения интеллигенции в русской эмигрантской мысли, прежде всего на примере творчества Г.П. Федотова.

Исследованию особенностей данного социального образования Георгий Петрович посвящает отдельную статью 1927 г. под названием «Трагедия интеллигенции». Он не вступает в полемику с веховцами, сосредоточившими внимание на русской радикальной интеллигенции и критикующими ее духовную узость и скудость идей. [3. С. 80–86]. Федотов охватывает широкие временные рамки и начинает изучение феномена с XI в. – с предпосылок формирования определенного уровня интеллигентской культуры. Здесь проявилась особенность подхода к материалу в историософии мыслителя – использование экскурсов для изображения единства исторического процесса. Данный прием по-разному оценивался его современниками и исследователями. Так, в связи между событиями Киевской Руси и появлением фигуры Чернышевского в XIX в. подмечалось восприятие истории как процесса логического, но не органического с присущей ему спонтанностью [4. С. 25–26]. Либо, напротив, отмечалось преимущество исследования Г.П. Федотова, да-

ющего широкую панораму русской истории и культуры в частности перед веховством, «исторический фундамент которого едва выходил за пределы XIX в. и по существу им ограничивался» [5. С. 33]. Стоит согласиться с утверждением, что «историк культуры довлеет в Федотове над философом» [4. С. 26], что схематизм его мышления (о котором писал он сам – [6. С. 88]), манера изложения – «скорее эстетическая, чем научно-дисциплинарная» [7. С. 233].

Г.П. Федотов отказывается дать определение данному понятию, поскольку оно является историческим – «каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему» [6. С. 67]. Целью он ставит выявление объема понятия «интеллигенция», его исчерпывающих признаков, и использует в качестве источника историю, писавшуюся интеллигентами о себе. Перефразируя словами М.Ю. Лотмана, – «интеллигент есть субъект специфического интеллигентского дискурса; (само)определение интеллигенции осуществляется в рамках этого дискурсивного пространства» [8. С. 123]. Г.П. Федотов уверенно заявляет, что интеллигенция не является профессиональной категорией, что это не «люди умственного труда» [6. С. 67]. Он исходит из социально-этического критерия, берущего начало в подходах у народников П.Л. Лаврова и Н.М. Михайлова, – у людей, объединенных понятием «интеллигенция» есть «идеал, которому они служат и которому стремятся подчинить всю жизнь: идеал достаточно широкий, включающий и личную этику, и общественное поведение» [Там же. С. 69]. Формулируя черты русской интеллигенции, Г.П. Федотов выделяет ее «идейность» и «беспочвенность», признаки, проявляющиеся в разной степени в разное время. Первая черта определяется как этически окрашенный вид рационализма, заменяющий в сознании интеллигенции религию. Мыслитель замечает, что от религии берется догмат, понимаемый рационалистически, и святость – этически. Вторая раскрывается в отрыве от быта, национальной религии, национальной культуры, государства, и в пределе достигает нигилизма. Обе черты интеллигенции подмечаются Н.А. Бердяевым в работе «Русская идея». Это и догматическая направленность принятия идей, приобретающая религиозный характер, и беспочвенность, определяющаяся мыслителем как национально-русская характери-

ка – «ошибочно считать национальным лишь верность консервативным почвенным началам... Беспочвенность имеет свою почву» [9. С. 64–66]. Ф.А. Степун, осмысливая взгляды Г.П. Федотова на интеллигенцию, соглашался с первой характеристикой и отмечал сомнительность применения второй. Полемизируя с Федотовым, он обращал внимание на быстрый рост созданной Петром I интеллигенции, такие ее достижения, как влияние своими революционными мыслями на сознание народа, борьба против монархии и Церкви, в целом свидетельствующие о наличии под ней исторической почвы [7]. Здесь стоит заметить, что Федотов, выявляя такую значимую характеристику, как беспочвенность, относил ее не ко всему историческому понятию, но как свойственную конкретным поколениям интеллигенции.

В определенной степени понимание Г.П. Федотовым русской интеллигенции близко точке зрения, которой придерживались Р.В. Иванов-Разумник и М.И. Туган-Барановский. Они полагали, что интеллигенция есть определенная общественная группа, отличительными признаками которой являются внеклассовость, внесловность и преемственность. Данные черты позволяют выделить в качестве главной объединяющей характеристики «идейность», определяющую общественную и политическую позицию. Однако если указанные мыслители девизом интеллигенции видели борьбу за народное освобождение, то Г.П. Федотов ее формирование связывал с нуждами царского правительства – несением в народ готовой западной культуры [10. С. 141]. Тем не менее необходимо учитывать, что Г.П. Федотов основное ее русло вел от Белинского через народников до революционеров XX в. Определяя сознание русской интеллигенции как сознание ордена, «хотя и не знающего внешних форм, но имеющего свой неписанный кодекс – чести, нравственности – свое призвание, свои обеты» [6. С. 68], мыслитель имеет в виду, прежде всего, интеллигенцию XIX в.¹ Ее же, а именно людей 1840-х гг. и народников, он рассматривает как представляющих крайние вершины русского интеллигентского сознания. «Дальше начинается распад социального типа, идущий по двум линиям: понижения идейности, возрастания почвенности» [Там же. С. 92]. Согласимся с мыслью Ф.А. Степуна, замечавшего, что центральное русло интеллигентского движения, в понимании Г.П. Федотова, составляют вера и борьба [Там же. С. 230].

Выявление сущностных черт интеллигенции приводит к рассмотрению таких распространенных в интеллигентском дискурсе мотивов, как взаимоотношение ее с народом и властью, ее историческая миссия. По первому вопросу Федотов замечает, что интеллигенция «целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825–1881) и, наконец, с народом против царя (1905–1917)» [6. С. 81]. Распространенный тезис о внутреннем раздвоении интеллигенции – оторванности от быта и в то же время поклонение народу – применим у Федотова к определенному периоду истории ее существования. Ее назначение видится в культурной миссии и просвещении, в царский период прошедших путь «от Шеллинга и Германии к России и православию» [Там же. С. 85].

Вообще Г.П. Федотов, говоря о русской интеллигенции как единственном и неповторимом явлении отечественной истории, отмечал существование данной группы «как особой культурной категории» [11. С. 139] и в других странах. Он связывал ее возникновение со столкновением двух культур, порождающим соответственно дуализм культуры, и приводил в пример пережившие европеизацию Индию и Китай. Однако Г.П. Федотов обращал внимание на отсутствие у интеллигенции Востока столь острого отступничества (национального самоуничтожения, презрения к собственному быту), что являлось следствием развития научной мысли. Данный подход приводил к отрицанию возможности появления подобия русской интеллигенции на Западе.

Представление о том, что интеллигенция не является исключительно русским явлением, сближало Г.П. Федотова с П.М. Милюковым, отмечавшим любопытные аналогии эволюции интеллигентского духа в других странах с нашей историей [12. С. 297]. В целом он выделял те же ее черты – внесловность, оппозиционность, усиленный критический элемент, попытки осчастливить человечество придуманными системами и др. Однако Г.П. Федотов, в отличие от П.М. Милюкова, акцентирует внимание на отрыве русской интеллигенции от быта, народа, что явилось результатом восприятия «европейского разума» страной, лишенной культуры мысли. На Западе, по мысли Г.П. Федотова, не было условий для существования подобной общественной группы. И в этом представлении он расходился с П.М. Милюковым, отмечавшим наличие интеллигенции в европейских странах [Там же. С. 298].

Г.П. Федотов исследует специфику интеллигентского сознания не только в связи с ростом внимания к феномену русской интеллигенции после революции. Его интересовали особенности русского национального сознания, и интеллигентский тип рассматривался мыслителем как одно из звеньев в его эволюции. Федотов отмечает родство интеллигенции с народным сектантством, в котором «живет по преимуществу кенотический и христоцентрический тип русской религиозности» [13. С. 174]. Заметим, что в эти же годы схожую мысль высказывает его друг и коллега Ф.А. Степун: русская интеллигенция «представляет собой кость от кости и плоть от плоти русской духовной жизни» [14. С. 332].

Интеллигенция, по Г.П. Федотову, представляет не только последовательное выражение русского духовного типа, но и составляющую двоецентризм русского менталитета. В изображении коллективной души мыслитель отказывается от единой характеристики духовно-национального типа в пользу полярности двух несводимых типов, между которыми разворачивается постоянная борьба – сотрудничество [15. С. 108–109]. Интеллигентский тип представлен в данной схеме интеллигенцией 30-х гг. XIX в., преданной народу, искусству, идеям, отдающей все с жертвенным порывом, в религиозной терминологии представляющей эсхатологический тип христианства – «не имеющий земного града, но взыскующий небесного» [13. С. 173].

И все же особое внимание Г.П. Федотова сосредотачивается на народничестве, поскольку именно в нем он видит родство с типом древнерусской религиозности – «подвижники, юродивые, страстотерпцы обернулись опрошенцами, народниками, мучениками за волю и счастье народа» [16. С. 42]. Корни народничества видятся в выплеске накопившейся за века религиозной энергии, проявлении русской «натуры». По сути, Г.П. Федотов говорит о религиозности народнической интеллигенции, глубоко укоренившейся в ментальных структурах сознания, нашедшей отражение в ее подвиге отречения от земных радостей, терпении, всепрощающей любви к народу. При этом он обращает внимание на то, что на жертвенную смерть народников зовет отнюдь не Христос – «за Лавровым, за Боклем явно стоит образ иного Учителя» [6. С. 89]. Размышления Г.П. Федотова о природе народнической интеллигенции близки современной точке зрения, изложенной Е.С. Элбакян, считающей, что содержание ее сознания составляли «религиозная ментальность и атеистическая идеология, содержащая в себе квази-религиозные черты» [17. С. 29].

Какие функции мыслитель возлагал на интеллигенцию в 1920-е гг.? Отмечая возвращение после революции ее части в Церковь – «интеллигенция влилась в основное русло великой русской культуры, уже начавшей свое очерковление с конца XIX века» [6. С. 99], Г.П. Федотов отдавал ей основную роль в духовной работе, в формировании религиозного и национального сознания [18. С. 73–74]. Значительное внимание уделял и духовной организации элиты, которая должна, подобно старой интеллигенции, обладать орденом самосознанием – признанием своей миссии и выделенности из толпы для борьбы и страданий. Отличие ее от старой интеллигенции – образец существования: не масонство, а средневековый клир,

организовавший свою культуру вокруг всенародной Церкви, а также иная направленность – антикатолическая, требующая уже этики не самоуничтожения, но достоинства. С одной стороны, интеллигенция не должна характеризоваться беспочвенностью и оппозиционностью, с другой – она становится духовной аристократией. Для культуры, полагал Федотов, существенна иерархия. Между учителем и учеником должно образовываться напряжение, вызывающее движение культуры. Воссоздание «высшего» слоя предполагалось путем восстановления разрушенной системы гуманитарного образования, которое должно стать школой элиты, формирующей культуру, основанную на исторической традиции [19. С. 274].

Интеллигенция, по мысли Федотова, должна отказаться от политической деятельности, сосредоточившись на культурной работе, которая, в свою очередь, должна быть свободна от государственного вмешательства. В этом случае должно было осуществиться творческое возрождение страны [20. С. 77–78].

Таким образом, Г.П. Федотов давал общий портрет интеллигенции, выявлял особенности ее возникновения и эволюции, ее роль и назначение в обществе. Применительно к XX в. рассматривал интеллигенцию как носителя культурных ценностей. Заметим, что подобным образом идентифицировала себя русская эмиграция – как высококультурный слой, видящий свою миссию в сохранении русской культуры и дальнейшем ее развитии.

В дискуссиях последних десятилетий ставятся похожие вопросы. В частности, может ли интеллигенция выполнять те функции, на которые указывал Г.П. Федотов? Актуализируются они в силу необходимости переосмысления общей характеристики свойств интеллигенции и ее назначения в условиях новой эпохи [21].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Г.П. Федотов был отнюдь не первый, предложивший подобное сравнение. Интеллигенция была названа орденом П.В. Анненковым и П.Д. Боборыкиным, и эту мысль разделяли Н.А. Бердяев, И.И. Бунаков – Фондаминский, Ф.А. Степун.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кнабе Г.С. Перевернутая страница. М., 2002.
2. Бондаренко В.Г. Крах интеллигенции: Злые заметки Зоила. М., 1995.
3. Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.
4. Гиренок Ф.И. Судьба русской интеллигенции (читая Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. О судьбе русской интеллигенции. М., 1991.
5. Маслин М.А., Андреев А.Л. О русской идее // О России и русской философской культуре. М., 1990.
6. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1.
7. Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Новый журнал. 1957. № 49.
8. Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм : история и типология : материалы междунар. конференции. Неаполь, май 1997. М. : О.Г.И., 1999.
9. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
10. Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
11. Федотов Г.П. Россия и свобода // Собрание сочинений : в 12 т. М. : Мартис, 2004. Т. 9. 384 с.
12. Милоков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М., 1991.
13. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
14. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000.
15. Гумерова Ж.А. «Человеческое измерение» в русской исторической мысли начала XX в. (на примере творчества Г.П. Федотова) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386.
16. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2.
17. Элбакян Е.С. Религиозный феномен в сознании российской интеллигенции XIX – н. XX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996.
18. Гумерова Ж.А. Культурно-исторические взгляды Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368.
19. Федотов Г.П. Проблемы будущей России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 1.
20. Гумерова Ж.А. Проблема формирования русского национального сознания в XX в. в интерпретации Г.П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416.
21. Луков В.А. Миссия интеллигенции в современном российском обществе // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/society/articles/Lukov_Val/

Статья представлена научной редакцией «История» 29 мая 2019 г.

The Phenomenon of Intelligentsia in the Russian Emigrant Thought (By Example of Georgy Fedotov's Works)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 98–101.

DOI: 10.17223/15617793/450/12

Zhanna A. Gumerova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Keywords: G.P. Fedotov; emigration; intelligentsia; Russian national consciousness; piety.

The article analyses the features of the study of the intelligentsia in the Russian emigrant thought by example of Georgy Fedotov's works. The relevance of the topic is caused by a special interest in the problem of the Russian intelligentsia. There are many research works devoted to the problem of its social role's exhaustion. The article shows that Fedotov's study of the intelligentsia since the 11th century reflects the peculiarities of the approach to the material: he uses excursuses to depict the unity of the historical process. The thinker regards the concept "intelligentsia" as a historical one. He tries to identify its exhaustive features and uses materials written by intellectuals about themselves. Fedotov proceeds from a socioethical criterion. He formulates the features of the Russian intelligentsia and emphasises its "ideological commitment" and "groundlessness": features that manifest in different extent and time. N.A. Berdyaev also noted these two features of the intelligentsia, while F.A. Stegun argued with Fedotov about the second one. Fedotov traces the main course of the intelligentsia from Belinsky through Russian populists to the 20th-century revolutionaries; he describes the people of the 1840s and Russian populists as extremely high representatives of the Russian intelligentsia's consciousness. The identification of the intelligentsia's essential features leads to the consideration of the motifs prevalent in the intellectual discourse (interrelation with the people and the government, historical mission). Fedotov describes the Russian intelligentsia as an exclusive phenomenon of the national history. He also notes the existence of this group in other countries. This thought is similar to P.M. Milyukov's idea, though Fedotov denies the existence of such a social group in the West. Fedotov is interested in the peculiarities of the Russian national consciousness. He considers the intellectual type as one of the links in its evolution. The intelligentsia is not only a consistent expression of the Russian spiritual type, but also a component of the dual centre of the Russian mentality. Fedotov focuses particular attention on Russian populism because he believes that it is related to the Old Russian religiosity. He gives the main role in spiritual work to the intelligentsia of the 1920s. The intelligentsia was to become a spiritual aristocracy, abandon political activity and focus on cultural work. The author believes that Fedotov gave a general portrait of the intelligentsia, revealed the peculiarities of its emergence and evolution, its role and purpose in society. He believed that the intelligentsia should be a carrier of cultural values in the future. Latest discussions raise the same questions. They are updated due to the necessity of rethinking the general characteristics of the intelligentsia's properties and functionality in the new era.

REFERENCES

1. Knabe, G.S. (2002) *Perevernutaya stranitsa* [A Turned Page]. Moscow: RSUH.
2. Bondarenko, V.G. (1995) *Krakh intelligentsii: Zlye zametki Zoila* [The Collapse of the Intelligentsia: Zoil's Wicked Notes]. Moscow: Paleya.
3. Frank, S.L. (1956) *Biografiya P.B. Struve* [Biography of P.B. Struve]. New York: Izd. im. Chekhova.
4. Girenok, F.I. (1991) *Sud'ba russkoy intelligentsii* (chitaya G.P. Fedotova) [The Fate of the Russian Intelligentsia (Reading G.P. Fedotov)]. In: Fedotov, G.P. *O sud'be russkoy intelligentsii* [On the Fate of the Russian Intelligentsia]. Moscow: Progress; Gnozis.
5. Maslin, M.A. & Andreev, A.L. (1990) *O russkoy idee* [On the Russian Idea]. In: Maslin, M.A. (ed.) *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture* [On Russia and the Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka.
6. Fedotov, G.P. (1991a) *Tragediya intelligentsii* [The Tragedy of the Intelligentsia]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Sofiya.
7. Stegun, F.A. (1957) G.P. Fedotov. *Novyy zhurnal*. 49.
8. Lotman, M.Yu. (1999) [The Intelligentsia and Freedom (On the Analysis of the Intellectual Discourse)]. *Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intelektualizm: istoriya i tipologiya* [Russian Intelligentsia and Western Intellectualism: History and Typology]. Proceedings of the International Conference. Naples. May 1997. Moscow: O.G.I. (In Russian).
9. Berdyaev, N.A. (1990) *Russkaya ideya* [Russian Idea]. In: Maslin, M.A. (ed.) *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture* [On Russia and the Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka.
10. Fedotov, G.P. (1992a) *Revolutsiya idet* [The Revolution Is on]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.
11. Fedotov, G.P. (2004) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Works: In 12 Vols]. Vol. 9. Moscow: Martis.
12. Milyukov, P.N. (1991) *Intelligentsiya i istoricheskaya traditsiya* [Intelligentsia and Historical Tradition]. In: Berdyaev, N.A. et al. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii: sb. st. 1909–1910* [Milestones. The Intelligentsia in Russia: Articles of 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Fedotov, G.P. (1992b) *Pis'ma o russkoy kul'ture* [Letters on Russian Culture]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.
14. Stegun, F.A. (2000) *Mysli o Rossii* [Thoughts About Russia]. In: Kantor, V.K. (ed.) *Sochineniya* [Works]. Moscow: POSSPEN.
15. Gumerova, Zh.A. (2014) The Human Dimension in the Russian Historical Thought in the Early 20th Century (By G.P. Fedotov's Works). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 386. pp. 105–111. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/386/17
16. Fedotov, G.P. (1992c) *O natsional'nom pokayanii* [On National Repentance]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Sofiya.
17. Elbakyan, E.S. (1996) *Religioznyy fenomen v soznanii rossiyskoy intelligentsii XIX – n. XX veka* [Religious Phenomenon in the Minds of the Russian Intelligentsia of the 19th – early 20th Centuries]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
18. Gumerova, Zh.A. (2013) G.P. Fedotov's Views on Culture and History. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 368. pp. 72–75. (In Russian).
19. Fedotov, G.P. (1991b) *Problemy budushchey Rossii* [Problems of the Future of Russia]. In: Fedotov, G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: In 2 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Sofiya.
20. Gumerova, Zh.A. (2017) G.P. Fedotov on Russian National Consciousness Formation in the 20th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 75–80. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/11
21. Lukov, V.A. (n.d.) *Missiya intelligentsii v sovremennoy rossiyskoy obshchestve* [The Mission of the Intelligentsia in Modern Russian Society]. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/gum/society/articles/Lukov_Val/.

Received: 29 May 2019